

Прошин Д.В.

Руководители террористической организации как фактор ее динамики: политико-антропологический анализ

Статья преследует три взаимосвязанные цели. Во-первых, установит, какую роль лидеры политических экстремистов могут сыграть в генезисе террористических группировок и формировании их структуры. Во-вторых, определит, что представляют собой фигуры лидеров в повседневной деятельности подчиненных им организаций. В-третьих, выяснит, какой может быть роль лидеров террористических группировок в процессе возможной дерадикализации подполья, его разоружения и перехода в плоскость легальной политической борьбы. Интерес к руководству террористического подполья, как правило, ограничивается темой обезглавливания антиправительственных группировок и его последствий. Иными словами, речь идет не столько о лидерах как таковых, сколько о реакции подполья на их нейтрализацию. Статья фокусирует внимание именно на руководящей верхушке террористов, обозначая основные направления и формы ее участия в становлении и дальнейшей деятельности подпольных структур.

Ключевые слова: терроризм, террористические организации, руководство террористических организаций, динамика террористических организаций, политико-антропологический анализ.

Статья має три взаємопов'язані цілі. По-перше, встановити, яку роль лідери політичних екстремістів можуть відігравати в генезі терористичних угруповань і формуванні їх структури. По-друге, визначити, що являють собою постаті лідерів у повсякденній діяльності підпорядкованих їм організацій. По-третє, з'ясувати, якою може бути роль лідерів терористичних угруповань у процесі можливої дерадика-

лізації підпілля, його роззброєння та переходу в площину легальної політичної боротьби. Інтерес до керівництва терористичного підпілля зазвичай обмежується темою обезголовлення антиурядових угруповань і його наслідків. Інакше кажучи, йдеться не стільки про лідерів як таких, скільки про реакцію підпілля на їх нейтралізацію. Стаття фокусує увагу саме на керівній верхівці терористів, накреслюючи головні напрями та форми її участі у становленні та подальшій діяльності підпільних структур.

Ключові слова: тероризм, терористичні організації, керівництво терористичних організацій, динаміка терористичних організацій, політико-антропологічний аналіз.

The proposed article deals with three interconnected aims. First, to establish what the role of the leaders of political extremists is in the emergence of terrorist groups and the formation of their structure. Second, to define what the leaders are in everyday life of their organizations. Third, to analyze what these leaders' role could be in the process of possible deradicalization of the underground, its disarmament and return to legal politics. The interest for the leadership of the terrorist underground is traditionally limited to the "decapitation" of anti-government organizations and its consequences. In other words, it is more about organizations' reaction to the neutralization of their leaders than about leaders themselves. This article focuses attention precisely on those who head terrorists underlining main directions and forms of their influencing the formation and further activity of underground structures.

Key words: terrorism, terrorist organizations, leadership of terrorist organizations, dynamics of terrorist organizations, politico-anthropological analysis.

УДК 329.61

Прошин Д.В.,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры политологии
и международных отношений
Университета имени Альфреда Нобеля

Проблема террористического насилия, долгое время оставшаяся на периферии исследовательского интереса, в конце 1990-х гг. приобрела особое значение. Каждый масштабный теракт вызывает не только всплеск эмоций, но и новые (хотя и повторяющиеся по своей сути) вопросы о природе терроризма, сильных и слабых сторонах террористических организаций и оптимальных методах противодействия им. В сохраняющемся обостренном интересе к феномену терроризма нетрудно заметить оттенки сенсационности и стремление некоторых авторов привлечь к себе внимание разного рода спекуляциями и громкими словами. Вместе с тем очевидна и объективная составляющая неослабевающего желания специалистов (ученых, политиков, представителей силовых ведомств и пр.) расставить точки над «i» в целом ряде теоретических и прикладных проблем, порожденных терроризмом.

Терроризм понимается здесь как систематическое использование неправительственными формированиями (лицами, действующими в одиночку) вооруженного насилия (угрозы его использования) для дестабилизации политической обстановки и достижения в результате этого своих целей. Объектами террористического насилия становятся, как правило (но не исключительно), мирные граждане, политики и чиновники, элементы гражданской инфраструктуры, сооружения, имеющие символическое значение. В подобном выборе целей раскрывается важнейшая – и наиболее «вирулентная» – особенность терроризма. Он ориентирован не на причинение противнику непоправимого ущерба, не на разгром противника и принуждение его к прекращению борьбы в сугубо военном понимании, а на систематическое, изматывающее давление на «болевые точки», подталкивание властей к неадекватным ответным мерам, разжигание в атакуемом лагере тревоги и недоволь-

ства. Иными словами, террористы наносят удары не только по своим непосредственным жертвам, но и – косвенно – по более широкой аудитории. Эту особенность четко обозначил Б. Дженкинс, назвавший терроризм «театром» [8, с. 4].

Вопреки сенсационным утверждениям, терроризм не несет «экзистенциальной угрозы» [19, с. 22] земной цивилизации. Террористические организации, как правило, слишком слабы для того, чтобы добиться стратегических успехов в противоборстве с правительственными силами. Именно неспособностью открыто противостоять властям в первую очередь объясняется обращение к методам точечного «символического» насилия. (Это тем более очевидно в случае с гротескными фигурами террористов-одиночек, «ведущих войну с несправедливым миром».) Разумеется, к террору прибегают и крупные военизированные формирования, сочетающие его с методами партизанской войны и/или квазирегулярными боевыми действиями, направленными на захват и удержание территорий. Такое сочетание целей и методов создает предпосылки для путаницы при демаркации различных видов и субъектов вооруженного насилия. Наиболее заметным примером этой путаницы сегодня служит определение как «террористической организации» т.н. «Исламского государства» (ИГ) – военно-политического образования, которое, несмотря на регулярное обращение к методам террора, террористической организацией в строгом смысле не является [5]. (В 2016 г. под его властью находилось более 70 тыс. кв. км. и примерно 8 млн. чел. [7, с. 4].) Кроме того, успехи или неудачи крупных формирований, подобных ИГ, определяются сложным сочетанием факторов, среди которых террористические методы занимают далеко не главное место.

И, тем не менее, во всех своих проявлениях и сочетаниях с другими видами насилия терроризм представляет собой серьезную угрозу (которая, как показали события 11 сентября 2001 г., может быть непропорционально большой по сравнению с размерами антиправительственной группировки.) Взвешенная трактовка природы терроризма и четкое определение границ этого феномена не должны вести к самоуспокоенности. Всесторонний анализ террористического насилия (его источников, движущих сил, целей, последствий), изучение сильных и слабых сторон террористических организаций, поиск эффективных методов борьбы с террористами – после необходимых поправок все эти задачи остаются на повестке дня.

Особое место в этой повестке следует отвести руководителям террористических формирований, пресловутым «главарям террористов». Будет преувеличением сказать, что данный элемент террористических структур игнорируется. В то же время

он рассматривается фрагментарно, с точки зрения специфических ситуаций. Явно не достает серьезных «сквозных» исследований, проходящих по всему спектру отношений между руководством террористических организаций и подчиненными им формированиями. Кроме того, по вполне понятной причине акцент в этой теме, как правило, делается на устранении лидеров террористических группировок (их уничтожении, аресте и последствиях обезглавливания подполья [4; 9; 13]). Иными словами, если исследователи и пытаются понять, какую роль лидеры террористов играют в деятельности подчиненных им организаций, то эти попытки носят своеобразный «изнаночный» характер («Что происходит с группировкой, утратившей свою «верхушку»?»; «Как и кем именно заполняется образовавшаяся пустота?» и пр.). Ответы на подобные вопросы отчасти проливают свет и на другие стороны управления террористическим подпольем, но все же «рутинное», повседневное влияние руководителей на свои группировки остается на периферии внимания. На периферии остаются и другие вопросы «позитивного» характера: о том, что происходит с террористическими группировками, когда их руководство на месте, а не только о том, что происходит, когда руководство сходит со сцены. Именно на эти слабо или косвенно освещаемые периферийные области была нацелена данная статья. Она не является тем «сквозным» исследованием, о важности которого говорилось выше, но может расцениваться как весьма подробный, систематический его набросок. Насколько автор может судить, ни в одной из высоко котирующихся англоязычных работ, сфокусированных на проблеме руководства террористическим подпольем [прежде всего см. 4], не ставились вопросы о связи природы руководства подполья и его морфологии; о лидерах террористов в повседневной жизни подчиненных им организаций; о влиянии специфики управления террористическими группировками на перспективы их дерадикализации. И, вне всякого сомнения, эти вопросы никогда не ставились в отечественной террологии, находящейся на «эмбриональной» стадии.

Если не пишется история отдельной организации, то террористические группировки и их деятельность чаще всего рассматриваются как своего рода политико-идеологические и организационные абстракции, как обезличенные проекции политических идей и процессов. Генезис этих группировок, мотивы, цели, программы и методы прослеживаются не глубже уровня породивших их конфликтов и природы конфликтующих сторон. Так рождаются предельно широкие – и, надо полагать, расцениваемые как исчерпывающие – категории «леворадикальные террористические группировки», «правые террористические группировки», «религиозные

террористические группировки» и т.п. Считается, что для анализа той или иной организации практически достаточно: а) самого факта ее террористической деятельности; б) ее идейно-политической направленности. Одним из наиболее известных примеров такого абстрактного подхода является т.н. «теория четырех волн терроризма» Д. Рапопорта [15]. В подобной трактовке речь о террористических группировках можно вести, не упоминая не только их рядовых членов, но и их руководителей (или упоминая последних лишь как чисто «технический» элемент, роль которого ограничивается обобщением и выражением той или иной программы действий).

Нелепо отрицать важнейшую формирующую роль конфликтов, на почве которых возникают террористические группировки, равно как и отрицать важность идеологической ориентации этих группировок. И все же приходится напомнить, что в контексте того или иного конфликта действует (действуют) не абстракция (абстракции), а группа (группы) определенным образом связанных индивидов. Думается, не менее ошибочным, чем игнорирование идеологических факторов и пр., будет представлять ситуацию так, словно объединение этих индивидов в изолированное сообщество, агрессивно противопоставляющее себя внешнему миру, осуществляется и сохраняется в течение сравнительно длительного времени без осязаемого – а нередко и решающего – персонифицированного влияния тех, кто возглавляет данное сообщество. Это не попытка создать «портреты» отдельно взятых лидеров на фоне их группировок. Можно говорить о целом ряде повторяющихся сценариев, паттернов в отношениях между лидерами различных террористических группировок и их подчиненными, т.е. говорить об этих отношениях как об одном из устойчиво действующих факторов динамики террористических организаций. Безусловно, связь между верхушкой террористов и рядовыми боевиками носит сложный двусторонний характер, но статья посвящена исключительно тому ведущему «полюсу», который в этой связи образуют лидеры террористических группировок. Внимательное изучение этого «полюса» не менее актуально в контексте борьбы с терроризмом, чем, к примеру, поиск эффективных путей пресечения экстремистской пропаганды или блокирования иностранных источников поддержки террористических формирований.

С учетом всего сказанного, цели исследования, завершающегося данной статьей, заключаются в следующем. Во-первых, установить, какую роль лидеры политических экстремистов могут сыграть в генезисе террористических группировок и формировании их структуры. С этой проблемой неразрывно связан и ставится одновременно с ней вопрос о природе (индивидуальной или кол-

лективной) самого руководства террористических организаций. Во-вторых, рассмотреть, что представляют собой фигуры лидеров в повседневной деятельности подчиненных им группировок; каковы источники устойчивости их влияния; в чем выражается их руководящая роль. В политико-антропологическом ракурсе особый интерес представляет роль лидеров в разного рода организационном «мифотворчестве», генерировании коллективных смыслов (какими бы «патогенными» они ни были), учреждении и/или поддержании «традиций» и т.п. В-третьих, выяснить, какой может быть роль лидеров террористических группировок в процессе дерадикализации подполья, его разоружения и перехода в плоскость легальной политической борьбы. Кем в данном контексте оказываются лидеры – инициаторами изменений, их противниками, пассивными объектами политических процессов? (Вопрос об обезглавливании террористических организаций остается за скобками как всесторонне изученный и практически не оставляющий места для дальнейших самостоятельных наблюдений.)

Принципиальное разграничение террористических группировок и крупных вооруженных организаций, в числе прочих использующих и методы террора, сразу выводит за рамки рассмотрения целый ряд показательных – едва ли не хрестоматийных – случаев (таких как близкий к религиозному культ личности В. Прабхакарана, руководителя повстанческой «армии» «Тигров освобождения Тамил-Илама» (Шри-Ланка); или арест А. Оджалана, многолетнего лидера «Курдской рабочей партии» (Турция), и дальнейшие действия этой, уже обезглавленной, группировки; или превращение Я. Арафата, лидера «Организации освобождения Палестины», в председателя легитимной Палестинской национальной администрации и пр.). Однако и четко очерченное поле «террористических организаций как таковых» дает немало интересных примеров внутренней и внешней динамики, замкнутой на руководителях экстремистских формирований.

Следует признать, что паттерны, просматривающиеся в активности террористических группировок, находят параллели на уровне вышеупомянутых – или им подобных – повстанческих «армий», «фронтов» и пр. Не делает ли такое сходство излишним предложенное здесь разграничение («террористические организации» – «вооруженные формирования, использующие террор»)? Этот вопрос кажется оправданным, но следует помнить, что проблема противодействия любым антиправительственным организациям очевидным образом не исчерпывается воздействием на их руководство. Существенных различий между двумя выше обозначенными категориями гораздо больше, чем серьезных сходств; следовательно,

отличаются и методы борьбы с организациями, образующими эти категории [5]. И чем четче будет проведена граница между двумя разновидностями вооруженных формирований, чем строже, без «оправданных» эпизодических нарушений, она будет соблюдаться, тем яснее окажется картина, которую анализируют академические исследователи и эксперты-практики.

Вопрос о роли будущих лидеров террористических группировок в становлении вооруженного подполья созвучен с сакраментальным вопросом о роли личности в истории (при всей кажущейся несоразмерности этих проблем). История любой террористической группировки покажет, как складывались объективные предпосылки ее возникновения [2; 12]. (Объективность предпосылок не означает оправданности и «неизбежности» методов террора. Тем не менее, наивно было бы говорить о терроризме как об изолированной, «кунсткамерной» аберрации; о «случайности» возникновения террористических группировок, просуществовавших годы (если не десятки лет), пополняющих при этом свои ряды и пользующихся хоть и маргинальной, но стабильной поддержкой со стороны разного рода сочувствующих, попутчиков и пр.) С другой стороны, нельзя отрицать и определенных субъективных вариаций на тему объективных социально-политических дисфункций. Из многотысячных представителей фрустрированной социальной (классовой, этнической, религиозной) группы выбор в пользу насилия делают десятки или сотни человек – под комбинированным влиянием своего темперамента, личных обстоятельств, непосредственного окружения. По определению именно в этом измерении играют свою роль лидеры террористических формирований.

Степень важности незаурядных командирских способностей здесь колеблется в зависимости от того, какой этап проходит террористическая группировка. Наиболее остро потребность в них ощущается уже после экзистенциального «скачка в террор», разрыва с привычным окружением и первого акта вооруженного насилия. Когда такой «скачок» совершен и если те, под чьим влиянием он состоялся, не обнаруживают в полной мере качеств, необходимых для дальнейшего руководства подпольной группировкой, возможны «кадровые рокировки», перераспределение власти между харизматичными «идеологами» и более умелыми организаторами-тактиками. Часто эти два качества изначально присутствуют в природе лидера будущей террористической организации. Но, так или иначе, на формативном этапе важнейшая роль лидера – роль отнюдь не ожидаемая от него, а скорее принимаемая им по собственной инициативе – заключается в том, чтобы дать толчок к переходу от пассивного/ненасильственного отри-

цания status quo к попыткам его насильственного расшатывания или разрушения. Лидер на этом этапе – не столько тот, кто обладает исключительными организаторскими способностями и навыками, сколько тот, кто может авторитетно доказать, почему «терпеть и колебаться больше нельзя»; не столько тот, кто четко организует будущую террористическую группировку, сколько тот, кто внушает мысль о том, что ее можно и должно создать. (Кроме того, будущий лидер может подавать личный пример насильственного сопротивления властям. В таком случае его, как правило, отличают решительность; возможно, большая физическая сила и мелкокриминальное прошлое в сочетании с тем, что по-английски называется *street wisdom* (умение ориентироваться в условиях «улицы»); а также обостренное – пусть и извращенное – «чувство справедливости».)

Представляется уместной довольно длинная цитата из книги Ш. Ауста, практически с хронометрической точностью воссоздавшего процесс формирования западногерманской террористической группировки «Фракция Красной армии» (РАФ). (Несмотря на некоторую беллетристичность, работа Ш. Ауста, выдержавшая несколько изданий, считается классическим исследованием истории РАФ.) «Избитые, переполненные ненавистью и отчаянием, многие из демонстрантов тем же вечером [после разгона демонстрации в Западном Берлине 2 июня 1967 г.] собрались в берлинском отделении СДС [«Социалистического студенческого союза»] на Курфюрстендамм. Все яростно спорили о том, каким должен быть ответ на гибель Бенно Онезорга [студента, застреленного полицейским]. Стройная светловолосая девушка кричала сквозь слезы: «Это фашистское государство намерено перебить нас всех. Мы должны сопротивляться. На насилие нужно отвечать насилием. Нам не о чем говорить с поколением, создавшим Освенцим!». Гудрун Энслин сказала то, о чем думали и что чувствовали многие из собравшихся» [2, с. 27]. Через несколько лет Энслин станет одним из организаторов РАФ.

Еще один пример для сбалансированности картины. В отличие от основателей РАФ, О. бин Ладен не вышел из полной безвестности и до возникновения «Аль-Каиды» успел сделать себе имя как координатор финансовых и логистических потоков афганского джихада 1980-х гг. Но и его восхождение к мировой «славе» началось с изданной в 1996 г. фетвы, в которой – самочинно присваивая роль религиозного лидера и богослова – бин Ладен объявил войну «союзу сионистов и крестоносцев». До этого момента «Аль-Каида» оставалась реликтом первой Афганской войны, организацией без «лица» и четкой цели. Фетва 1996 г. – и последовавшие за ней теракты в Восточной Африке (1998 г.) – превра-

тили бин Ладена в «террориста № 1», а «Аль-Каиду» – в авангард «глобального джихада».

Лидерство в террористической организации – это один из примеров веберовского «харизматического господства». Согласно М. Веберу, «в случае харизматического господства подчиняются харизматическому вождю как таковому в силу личной веры в его откровение, доблесть или образцовость...» [1]. Разумеется, слова об «откровении», «доблести» и «образцовости» следует использовать с принципиальными поправками на одиозность вдохновителей и организаторов террористического насилия, однако в своей системе координат эти фигуры действительно воспринимаются как обладающие определенными «исключительными качествами». При этом рассуждения о лидерской харизме (каким бы ни был ее «знак») относятся и к тем случаям (уже упомянутая РАФ и целый ряд других группировок), в которых создание террористического подполья было делом нескольких вожаков. Анализируя природу различных типов господства, М. Вебер, как представляется, допустил ошибку: интересующий нас харизматический тип раскрыт им исключительно через индивидуальные проявления властвования. Это кажется очевидным и оправданным, ведь речь идет об обладателях «исключительных качеств» (религиозных пророках, революционных вождях и т.п.). Но если не поддаваться кажущейся очевидности, то рядом с индивидуальными носителями харизмы займут свое место коллективные субъекты харизматического господства. Так, революции нередко порождают групповые воплощения разрушительного отрицания прошлого и «очистительных» амбиций – разного рода «комитеты общественного спасения», «революционные командования» и пр. Ничего не мешает распространить сказанное на коллективное руководство формирующихся террористических группировок. Естественно, полной «переплавки» отдельных личностей в подобных случаях не происходит; все участники сохраняют узнаваемость и даже могут конкурировать друг с другом во мнении последователей; и в то же время перед нами именно коллективный субъект, наделяемый уникальной – харизматической – идентичностью. Даже наличие в этой «когорте» одной наиболее сильной фигуры делает ее не вождем, а «первым среди равных».

В контексте формирования террористической организации стоящие особняком харизматические лидеры или группы вожаков играют, по сути, одинаковую роль: артикулируют мысль о необходимости/оправданности протеста, воплощают его, подают пример «героического» противостояния властям. Особенностью коллективного руководства – что естественно – можно считать его большую дифференцированность в рамках своего ролевого поля. Харизматическая притяга-

тельность обособленного лидера, как правило, имеет сравнительно четкую специфику: идейная подкованность, бойцовский запал, беспощадность к врагу и т.п. Харизма коллективного лидерства может одновременно выражаться в нескольких измерениях. К примеру, «историческое ядро» РАФ складывалось из «бунтаря» А. Баадера, интеллектуалки и главного идеолога РАФ У. Майнхоф (полностью лишенной бойцовских качеств) и вышеупомянутой Г. Энслин, представлявшей собой сочетание качеств первых двух.

Остается вопрос о том, чем обуславливается выдвижение на передний план единоличного лидера или некой руководящей группы. Всякому исследователю хочется найти как можно более устойчивые связи в изучаемой им сфере, но здесь приходится признать, что четких закономерностей в складывании одной из двух разновидностей руководства террористической группировкой не просматривается. Так, наиболее весомый из объективных факторов – природа конфликта, его масштабы и т.п. – очевидным образом не оказывает решающего влияния. Это же придется сказать и насчет идеологических установок будущих террористов. История показывает, что на почве одних и тех же (или схожих) конфликтов, на одинаковой идеологической основе могут формироваться обе разновидности руководства. Например, в Перу маоизм нашел воплощение в А. Гусмане – деспотичном лидере группировки «Сендеро луминосо» («Сияющий путь»); в это же время в сопредельной Колумбии маоистские группировки оставались под коллективным руководством [6, с. 198–210]. Как бы сильно это ни противоречило исследовательскому стремлению к четкости и максимально возможной простоте, нужно признать, что в каждом отдельном случае характер руководства террористическим подпольем определяется уникальной комбинацией факторов. Если углубиться в историю того же А. Гусмана, то станет ясно, что превращение профессора философии в единоличного лидера подпольной организации, окруженного ореолом почти сверхчеловеческой мудрости, было бы невозможно вне локального контекста окраинной провинции Хуаманга, снабдившей А. Гусмана («председателя Гонсало») пригодным для тотальной индоктринации человеческим материалом [6, с. 198–204].

До этого момента речь шла о лидерстве как факторе «прыжка в террор», источнике убежденности в том, что обращение к насилию неизбежно и оправданно. Однако подобный импульс проявляет себя в неких организационных формах. Сделавшие выбор в пользу террора объединяются тем или иным образом, строят отношения друг с другом и с окружающим миром. Собственно, это и есть формирование террористической организации. Какова роль, которую здесь играют вожаки,

вовлекшие своих последователей в теневую вооруженную борьбу с властями?

Начать следует с того, что в формировании террористических группировок наблюдаются две альтернативные тенденции; обозначим их как «авторитарную» и «партиципативную». Первая по определению предполагает сосредоточение всех нитей управления группировкой у ее руководства, окруженного особым почитанием и жестко пресекающего любые попытки противоречить ему. Под партиципативностью подразумеваются способность низового и среднего звеньев террористической группировки до известного предела влиять на решения руководства; наличие своего рода двусторонней связи между различными звеньями; возможность существования в рамках группировки нескольких центров влияния. Большинство подпольных организаций представляют собой то или иное сочетание двух тенденций. В то же время некоторые организации в полной мере воплощают в себе одну из альтернатив. Так, вышеупомянутая группировка «Сендеро луминосо» – это хрестоматийный случай авторитарного уклада. Ирландская республиканская армия (ИРА) с ее Армейским советом, выборными начальниками штаба и регулярными внутренними дискуссиями [10, с. 40] – наглядный пример партиципативности.

Возникает соблазн напрямую связать эти тенденции с разновидностями руководства подпольных группировок. Авторитаризм кажется очевидным порождением единоличного руководства, партиципативность – руководства коллективного. Но попытки представить связь двух параметров как прямую зависимость ошибочны. История многих террористических организаций показывает, что присутствие на переднем плане единоличного лидера не обязательно приводит к складыванию авторитарного устройства; коллективное же руководство отнюдь не всегда проявляется в устойчивой партиципативности.

Главарь «Сендеро луминосо» А. Гусман; палестинский террорист Абу Нидаль, создатель и деспотичный лидер группировки, весьма красноречиво названной в его честь («Организация Абу Нидаля»); С. Асахара, «гуру» японской тоталитарной религиозно-политической группировки «Аум синрикё» («Учение истины Аум») – это лидеры, чьи авторитарные амбиции сыграли важнейшую роль в формировании жестко централизованных подпольных организаций. В то же время Р. Сендик, лидер уругвайской левацкой группировки «Тупамарос»; бразилец К. Маригелла, создатель еще одной латиноамериканской левацкой группировки – «Действие за национальное освобождение» – и автор широко известного «Краткого учебника городского партизана»; Ж. Хабаш, создатель «Народного фронта освобождения Палестины» – террористической группировки, положившей начало практике

захвата пассажирских самолетов; и даже пресловутый «террорист № 1» бин Ладен – эти лидеры террористов, обладая харизмой и значительным влиянием в своих организациях, не превратились, однако, в «диктаторов».

ИРА, как уже было сказано, дает очевидный пример партиципативной внутренней динамики. «Революционные ячейки», основанные в 1970-х гг. группой западногерманских радикалов (Р. Раабе, С. Зудер, К. Гаугер, Р. Шиндлер, С. Экле), и вовсе представляли собой конгломерат практически автономных группускул [16]. С другой стороны, итальянские «Красные бригады» (БР) и – в меньшей степени – РАФ, также находившиеся под коллективным руководством (Р. Курчо, М. Кагол, А. Франческини, М. Моретти, А. Саваста и уже упоминавшиеся Баадер, Энслин, Майнхоф), обнаруживали в своей динамике отчетливые авторитарные тенденции. Политическое доктринерство, нетерпимость к отклонениям от «генеральной линии», экзальтированное отношение рядовых членов к основателям и «историческим лидерам», проявляясь в разных формах и в разных сочетаниях, – все это характеризовало БР и РАФ. Показательно, что с определенного момента усилия по освобождению арестованных руководителей стали главной задачей каждой из них.

Итак, было бы ошибкой искать прямую зависимость между спецификой единоличного или коллективного руководства и структурой террористических организаций. Роль, которую в формировании структуры подполья играют его лидеры, менее однозначна. Они выступают в качестве своеобразной «призмы»: в их решениях и действиях концентрируются и преломляются многочисленные факторы, образующие контекст становления подпольных группировок. Личные амбиции самих лидеров могут уравновешиваться ограниченностью доступных им ресурсов; объективные характеристики политических конфликтов интерпретируются с позиций отдельно взятых социальных групп и даже индивидов; частные проявления беззакония и несправедливости получают универсальную трактовку; обобщенные политические оценки доносятся до каждого члена группировки и становятся частью его картины мира. Подобно тому, как складывание единоличного или коллективного руководства террористического подполья в каждом случае определяется особой комбинацией факторов, так и морфология подпольных группировок представляет собой уникальный продукт различных влияний, испытанных лидерами экстремистов, а также их – этих лидеров – субъективных качеств.

Допустимо предположить, что единоличные лидеры потенциально более предрасположены к установлению авторитарных порядков, чем члены коллективного руководства. Но при этом

под влиянием конкретных объективных и субъективных импульсов отдельно взятые руководители террористических группировок могут добровольно или вынужденно отказаться от попыток присвоить себе «диктаторские полномочия» (или даже вовсе не предпринимать таких попыток). Различными сочетаниями субъективных и объективных моментов также объясняется то, что лидеры террористических организаций, действующих в рамках одного конфликта и/или стоящих на общей идеологической платформе, могут строить подчиненные им организации диаметрально противоположным образом (к примеру, западногерманские «Революционные ячейки» и РАФ).

Переключка объективного и субъективного ощущается и в той роли, которую руководство подполья играет в повседневной активности своих формирований. Вместе с тем некоторые зависимости и паттерны здесь просматриваются четче. Единоличное или коллективное руководство, авторитарное или партисипативное устройство террористических группировок – эти характеристики, как было сказано, формируются в значительной мере ситуативно; повторяющиеся, предсказуемые траектории практически не просматриваются. Но, сформировавшись, данные параметры становятся довольно устойчивой матрицей, в рамках которой роль и влияние руководящего звена террористических организаций также обретают большую системность. Так появляется, наконец, та четкость, которой может не хватать в рассуждениях о становлении вооруженного подполья и которая имеет особое значение для планирования анти-террористических мероприятий.

Уже отмечено, что авторитарные тенденции в деятельности террористических группировок могут увязываться как с единоличным, так и с коллективным руководством. Но, безусловно, первая из этих комбинаций дает наиболее яркие, нередко шокирующие, примеры авторитарного устройства. Повседневная жизнь подпольных группировок, находящихся во власти лидеров-автократов, может быть практически без остатка подчинена служению их воле. Разумеется, политические цели группировки остаются на повестке дня, но верность этим целям неразрывно увязывается с верностью лидеру, тем более что именно он является их источником или непогрешимым интерпретатором. Так, краеугольным камнем идеологической программы перуанского «Сияющего пути» служили постулаты, сформулированные А. Гусманом, – «Учение председателя Гонсало» [14, с. 110–113]. Подчинение лидеру может обеспечиваться давлением на членов группировки. Расправы над ненадежными, предателями, внедренными информаторами – это неотъемлемый элемент жизни подпольных организаций всех разновидностей, но в авторитарных группировках поводом

для репрессий может служить даже поверхностное подозрение в нелояльности. С другой стороны, для полноты картины следует подчеркнуть, что те группировки, деспотичные лидеры которых снискали в глазах своих подчиненных репутацию «великих стратегов», «учителей» или «мыслителей», держатся не только (даже не столько) на физическом устрашении, но и на индоктринации и вполне искренней преданности (причем это может относиться как к рядовым участникам, так и к тем, кто входит в командные структуры). Именно в таких проявлениях лояльности наиболее полно ощущается лидерская харизма. Сказать, что лидеры, не прославившиеся «теоретиками», лишены харизматической притягательности и поэтому вынуждены опираться лишь на угрозы и насилие, означало бы противоречить многому из сказанного выше. И все же, не имея славы «учителя» или «теоретика», авторитарный лидер террористической группировки скорее и чаще прибегает к силовым методам. Наглядным примером может служить «Организация Абу Нидаля», периодически потрясавшаяся расправами над теми, кто вызывал подозрение у ее патологически мнительного главаря [21, с. 111].

Сочетание авторитарного и коллективного начал – возможная, но все же кажущаяся парадоксальной комбинация, способная, как показывает случай итальянских БР, стать почвой для весьма эффективной (если не стратегически, то во всяком случае тактически) антиправительственной деятельности. Влияние коллективного авторитарного руководства на повседневную деятельность группировки осуществляется посредством все тех же силы и индоктринации (в признаниях арестованных «бригадистов» постоянно звучала тема «принадлежности к коллективу», немислимости отказа от выполнения «коллективных решений» и пр. [12]). При этом авторитаризм коллективного руководства никогда не достигает тех пиковых отметок, которые наблюдаются в группировках, управляемых единолично. Он остается «приглушенным», так сказать, разделенным между членами руководящей верхушки. Кроме того, коллективно-авторитарные группировки обнаруживают большую уязвимость к расколу, чем их единолично управляемые аналоги. Фрагментированный авторитет и наличие нескольких голосов в руководстве создают предпосылки для разногласий, особенно в те моменты, когда меняются условия, в которых действует группировка, и, как следствие, начинается поиск новых методов и, возможно, даже новых стратегических целей. Именно такому расколу подверглись БР в результате выделения двух линий – «воинствующей», нацеленной на эскалацию насилия и окончательное превращение «Бригад» в изолированный «авангард революции», и «политической», ориентированной на сочетание

вооруженной борьбы с идеологической работой и, в конечном итоге, перерастание законспирированной группировки в широкое политическое движение [20, с. 95]. Находившиеся в тюрьме «бригадисты» во главе с одним из основателей «Бригад» Курчо нашли возможность в своем письме на волю поддержать «воинствующую» фракцию. Раскололось и историческое «твердое ядро» РАФ, в полном составе оказавшееся за решеткой. Идеологические дискуссии и взаимные оскорбления троих заключенных (Баадера, Энслин и Майнхоф) уже не имели никакого реального влияния на действия оставшихся на свободе боевиков. Тем не менее, этот кафкианский спектакль отчетливо показывает, что столкновение лидерских амбиций, напряжение и борьба за влияние (даже иллюзорное) остаются теми центробежными силами, которые, явно или латентно, присутствуют в авторитарно-коллективной группировке до самого ее конца.

Группировки, в повседневной динамике которых сочетаются единоличное лидерство и партисипативный уклад, представляют собой еще один по-своему парадоксальный вариант. Он отсылает к тому, что было сказано о возможных подвижках и «рокировках» в руководстве подполья, происходящих после того, как сделан «скачок в террор». Единоличного лидера, инициировавшего кампанию террористического насилия и по той или иной причине отказавшегося от попыток установить авторитарные порядки, все равно окружает своего рода «антураж» – лидеры второго звена, доверенные лица, специалисты по подготовке и проведению терактов и пр. Лидер такого типа может оставить за собой область наиболее общих идеологических вопросов и «представительские функции» (последние в том случае, если положение организации и/или личные свойства лидера не побуждают его скрываться в глубоком подполье). Яркий пример такого сосредоточения на одной из сфер деятельности при делегировании других функций руководителям меньшего калибра – это случай Ж. Хабаша, харизматичного основателя и идеолога «Народного фронта освобождения Палестины» (НФОП). Будучи лишен, как оказалось, тактических талантов, Ж. Хабаш остался теоретиком и «лицом» созданной им группировки, тогда как планирование и проведение терактов (прежде всего, авиаугонов, ставших «визитной карточкой» НФОП) было доверено державшемуся в тени В. Хаддаду [3, с. 452–477]. Аналогична ситуация бин Ладена. До 11 сентября 2001 г. и до начала «войны с террором» лидер «Аль-Каиды» оставался авторитетным координатором джихадистского подполья; человеком, «разгромившим одну из сверхдержав» (СССР в Афганистане) и «объявившим войну единственной сверхдержаве» (США в 1990-х гг.); «лицом» «глобального джихада», но при этом – отча-

сти вынужденно, отчасти добровольно – делил свои полномочия с идеологом А. аз-Завахири, тактиком и техническим организатором терактов 11 сентября 2001 г. Халид Шейхом Мохаммедом и пр. [21, с. 44].

Остается сочетание коллективного руководства и партисипативности. Может казаться, что подобная комбинация очень рискованна для террористов, поскольку грозит превращением подпольной организации в неуправляемый «дискуссионный клуб», обреченный на развал или уничтожение. Это, однако, противоречит фактам. Пример ИРА показывает, что подобное сочетание возможно даже в рамках крупных, хорошо организованных группировок. Кроме того, одним из наиболее опасных трендов современного терроризма многие эксперты считают возникновение и расширение «безлидерных» террористических сетей («безлидерного сопротивления») [18], а эти аморфные «безлидерные» сети как раз представляют собой логическое продолжение той линии, которая наметилась в организациях, совмещающих коллегиальное лидерство с партисипативной, сравнительно гибкой структурой. (Одна из первых группировок такого типа – западногерманские «Революционные ячейки», значительно уступая в известности современной ей РАФ, смогла, однако, за двадцать лет своей активности осуществить около двухсот терактов и избежать при этом масштабных арестов, подобных тем, что регулярно обескровливали «рафовцев» [16].) Несмотря на болезненную актуальность темы террористических сетей, в контексте данной статьи главный интерес представляют организации, подобные ИРА, поскольку их руководство устойчиво и полнокровно и роль его весома и системна, в отличие от тех в лучшем случае нитевидных связей, которые соединяют различные элементы организаций, близких к сетевым или уже ставших сетевыми.

ИРА, возможно, является самой изученной из всех террористических организаций. Так или иначе, доступная исследователям обильная информация о ней показывает, насколько эффективно в повседневной динамике этой «армии» сочетались коллегиальность руководства и двусторонний, партисипативный характер отношений между руководящим центром и прочими структурными элементами. Коллективное руководство прочно удерживало политическую и оперативную инициативу, не претендуя при этом на звание «идейного авангарда» (как лидеры РАФ или «Красных бригад») и тем более не строя культа, подобного тому, что окружал Гусмана или Асахару. Показательно, что один из начальников штаба ИРА (К. Маккенна), как и его предшественник, избранный на свою должность, был также и смещен с нее голосованием рядовых боевиков [11, с. 559]. Следует подчеркнуть, что подобная гибкость и извест-

ного рода «демократичность» позволяла ИРА путем планомерной перестановки кадров сравнительно легко восполнять потери в самых высоких своих эшелонах (две трети ее начальников штаба были арестованы во время исполнения своих обязанностей, но это ни разу не поставило ИРА на грань коллапса [10, с. 40]).

Необходимо отметить и то, что роль лидеров в повседневной жизни подчиненных им группировок в немалой степени определяется рядом факторов, внешних по отношению к природе самого руководства. Прежде всего, это масштаб группировки; глубина ее ухода в подполье; наличие/отсутствие «тихих гаваней» (сравнительно безопасных баз, тренировочных лагерей, укрытий) в своей стране или за ее пределами. Иными словами, речь идет о той степени рутинной близости между руководством и рядовыми боевиками, которую позволяют объективные условия существования подпольной организации. Чем безопаснее и стабильнее эти условия, тем прочнее могут стать вертикальные связи внутри группировки, тем насыщеннее персональными смыслами может быть роль ее лидера или лидеров.

Разумеется, фигура авторитарного лидера при любых обстоятельствах по определению будет отделена от рядовых боевиков значительной (если не непреодолимой) дистанцией. Некоторые из таких руководителей преднамеренно отгораживаются от своих подчиненных, не оставившись перед самыми грубыми методами и опираясь на узкий круг избранных подручных (как, к примеру, это делал Абу Нидаль, прибегавший к репрессиям по отношению к подчиненным). Лидерам же, склонным поддерживать более доверительные отношения с обычными боевиками, сравнительно безопасная рутинная дает возможность предстать перед рядовым составом в ореоле доступности и скромности; играть на выгодном контрасте своих незаурядных лидерских качеств и бытовой неприхотливости и пр. Примером такого общения служит одиозный бин Ладен – «шейх», принимавший от новобранцев клятву в личной верности («байа») и в то же время разделявший с ними трапезу и некоторые развлечения [23, с. 165]. Наконец, даже роль авторитарного «вождя» (если он не одержим манией подозрительности, как Абу Нидаль) на почве повседневных контактов с подчиненными может наполниться дополнительным «позитивным» содержанием. В группировке авторитарного типа начальническое напутствие перед особенно опасными заданиями способно стать своего рода ритуалом; знаком высшего доверия; наградой, предшествующей самой акции (вопрос об искренности «вождя» здесь второстепенен, важно то, как оказываемые ему знаки внимания воспринимает рядовой боевик).

Однако рутинное общение с подчиненными – это роскошь, которую даже при желании может позволить себе далеко не каждый руководитель подпольной организации. Гораздо чаще перед лидерами террористов встает дилемма, всесторонне рассмотренная Дж. Шапиро: с одной стороны, необходимость регулярного управления группировкой, с другой – невозможность исполнять свои командирские функции (передавать информацию, встречаться с подчиненными, изучать объекты планируемых атак и пр.), не подвергая при этом себя и организацию в целом риску обнаружения, ареста или уничтожения [17]. Деятельность большинства террористических группировок и их лидеров представляет собой лавирование между двух «рогов» этой дилеммы.

На очереди вопрос о роли лидеров террористического подполья в дерадикализации подчиненных им группировок и их переходе к легальным методам политической борьбы. Во вступительной части этот вопрос был конкретизирован так: «Кем в данном контексте оказываются лидеры – инициаторами изменений, их противниками, пассивными объектами политических процессов?» Второй из этих вариантов следует отбросить сразу: смена курса антиправительственной организации невозможна без санкции и прямого участия ее руководящего звена. Можно допустить, что дерадикализации террористического подполья предшествует обновление его руководства, но, так или иначе, в старом или новом обличье, это руководство должно включиться в политический диалог с властями. Дать четкий ответ относительно двух оставшихся ролей сложнее. Нет ни одного примера того, как террористические группировки добровольно, без всякого внешнего давления отказывались бы от своих насильственных приемов. Одной из обязательных предпосылок возвращения боевиков в легальное поле (в тех редких случаях, когда это в принципе возможно) является нанесение им серьезного ущерба и демонстрация тупиковости изначально избранного ими пути. Таким образом, в известной степени лидеры дерадикализирующихся группировок могут рассматриваться как «объекты» правительственных антитеррористических усилий. В то же время нельзя говорить об их полной пассивности. Они не только реагируют на действия противоположной стороны, но и, в свою очередь, объявляют прекращение огня, иницируют переговоры, выдвигают предложения. В конце концов, оказываемое правительством давление – это лишь предпосылка политического компромисса, а не средство, автоматически усаживающее боевиков за стол переговоров. Необходимой встречной предпосылкой политического компромисса по определению является «добрая воля» руководителей подполья.

Органичным продолжением этих рассуждений становится вопрос о том, можно ли говорить о большей или меньшей «предрасположенности» к прекращению насилия определенных разновидностей лидеров боевиков. Здесь перед исследователем встает еще один парадокс. Может казаться, что и с политической, и с управленческой, и с чисто психологической точек зрения наиболее вероятным (и удобным) переговорщиком и участником компромисса является единственный авторитарный лидер, пользующийся безграничным авторитетом у подчиненных (и/или жестко контролирующей их), самостоятельно принимающий решения и, следовательно, свободный от необходимости маневрировать внутри группировки и преодолевать разногласия, неизбежные в контексте смены политического курса. Однако важно помнить о том, что власть и авторитет подобного лидера могут оставаться безусловными лишь в определенных границах. Опыт показывает: авторитарные лидеры – это, как правило, носители наиболее радикальных идей и авторы наиболее категоричных требований. Любое смягчение позиций грозит им утратой того почти гипнотического влияния, которым они пользуются как «несгибаемые борцы». Прежде всего, потому, что компромисс после многолетней борьбы не на жизнь, а на смерть будет означать, что «безупречный лидер» не смог привести свою организацию к победе. Наконец, бескомпромиссность и жесткость в подобном случае отнюдь не являются «игрой на публику». Определенные задатки, многолетнее напряжение подпольной жизни, почитание со стороны подчиненных – все это консервирует радикальные взгляды авторитарных лидеров, подкармливает их заикленность на очень узком наборе целей и методов. В таком свете авторитарный лидер, кажущийся свободным в выборе стратегии и тактики, предстает, напротив, как фигура, политическая маневренность которой крайне ограничена рамками одной роли.

Напротив, коллективное руководство или единичные лидеры, открытые для коллегиального соучастия в управлении группировкой, обнаруживают сравнительно большую гибкость в сближении с противником. Это не отменяет сказанного о маловероятности такого сближения. Не следует забывать о неповиновении руководителям, «предавшим общее дело», внутригрупповых междоусобицах, расколах и попытках «непримиримых» сорвать начавшееся сближение путем провокационных актов насилия. (Яркий пример – раскол ИРА на почве участия ее руководства в многосторонних англо-ирландских переговорах, закончившихся подписанием в Белфастского соглашения 1998 г.) Но какими бы незначительными ни были шансы на бесповоротное возвращение террористов в область законной политики, реализация

этих шансов наиболее вероятна в плоскости коллегиально управляемых, сравнительно гибких партисипативных организаций, руководство которых не зажат в нише своей «непогрешимости», а рядовой состав может быть привычен к полицентричности и периодическим сменам курса, отражающим внутригрупповую борьбу мнений.

Если учесть, что действия террористических группировок неоднократно становились причиной масштабных трагедий и серьезных внутривнутриполитических и международных конфликтов, уподобление вопроса о роли лидеров боевиков вопросу о роли личности в истории не кажется патетическим преувеличением. И выводы, к которым приводит даже предварительный, абрисный анализ поднятой здесь проблемы, во многом созвучны утверждениям, знакомым по давней дискуссии о месте индивида в исторических процессах.

Лидеры террористов не могут быть названы безусловно и неизменно ключевым фактором динамики подчиненных им группировок. Генезис и последующая активность террористического подполья в значительной (а нередко и в решающей) степени определяются объективными условиями протекания конфликта (демографический состав участников противостояния, наличие/отсутствие третьих сторон, история конфликта, коллективная память враждующих лагерей и т.п.) – условиями, полностью или в значительной мере неподвластными даже влиятельным руководителям крупных подпольных формирований. Отпечаток внешних факторов может лежать на конфигурации самого руководства террористического подполья.

В то же время руководящее звено террористических организаций – далеко не пассивный слепок внешних обстоятельств. Роль, которую оно играет в динамике своих группировок, подобнапризме, собирающей, соединяющей и преломляющей объективные и субъективные импульсы. При этом чем дальше исследователь отходит от стадии становления подпольных организаций, чем глубже он погружается в повседневную, рутинную деятельность этих организаций, тем острее и устойчивее становится влияние руководства подполья, тем теснее становится связь между его природой, с одной стороны, и динамикой террористической деятельности – с другой.

Изучение вышеобозначенных проблем не преподнесет никаких ключей от легкой победы над террористами. Даже будучи обезглавленными, многие группировки продолжали свою деятельность, более того, активизировали ее, стремясь освободить своих арестованных лидеров или отомстить за убитых. Лидеры террористов – это не «терроризм сам по себе», и ошибкой будет персонализировать противодействие террористической угрозе. Вместе с тем, как показывает статья, изучение руководящего звена террористических формиро-

ваний позволяет отчетливее представлять себе, как радикализируются определенные элементы оппозиционных кругов; как строятся отношения в среде тех, кто в противодействии властям избрал методы террора; как принимаются решения в террористическом подполье; чем может подпитываться его «боевой дух»; и, наконец, чем мотивируются/ограничиваются замыслы и действия лидеров террористических формирований. Не будучи ключом к скорой победе над изменчивым и весьма опасным врагом, дальнейшее изучение обозначенных проблем, безусловно, увеличивает шансы на успех в борьбе с ним.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вебер М. Типы господства / М. Вебер // Библиотека «Гумер» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/veber/tip_gosp.php.
2. Aust S. Baader-Meinhof: The Inside Story of the RAF / S. Aust. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 457 p.
3. Boot M. Invisible Armies: An Epic History of Guerrilla Warfare from Ancient Times to the Present / M. Boot. – New York : Liveright Publishing Corporation, 2013. – 750 p.
4. Cronin A. How Terrorism Ends: Understanding the Decline and Demise of Terrorist Campaigns / A. Cronin. – Princeton : Princeton University Press, 2009. – 336 p.
5. Cronin A. ISIS is Not a Terrorist Group / A. Cronin // Foreign Policy. – 2015. – March/April Issue. – [Electronic resource]. – Access mode : <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/isis-not-terrorist-group>. – Title from Screen. – Date of Access: August 16, 2017.
6. De La Pedraja Toman R. Wars of Latin America, 1948–1982: The Rise of the Guerrillas / R. De La Pedraja Toman. – Jefferson : McFarland and Company, 2013. – 363 p.
7. ISIS Financing. – Paris : Center for the Analysis of Terrorism, 2016. – 31 p.
8. Jenkins B. International Terrorism: A New Kind of Warfare / B. Jenkins. – Santa Monica : The Rand Corporation, 1974. – 16 p.
9. Jordan J. When Heads Roll: Assessing the Effectiveness of Leadership Decapitation / J. Jordan // Security Studies. – 2009. – Issue 18. – P. 719–755.
10. Perseverance of Terrorism: Focus on the Leaders / [M. Milosevic, K. Rekawek, A. Maskaliunaite, K. Libront]. – Amsterdam : IOS Press, 2013. – 147 p.
11. Moloney E. A Secret History of the IRA / E. Moloney. – New York : W.W. Norton and Company Ltd., 2003. – 600 p.
12. Orsini A. Anatomy of the Red Brigades: The Religious Mind-Set of Modern Terrorists / A. Orsini. – Ithaca : Cornell University Press, 2009. – 317 p.
13. Price B. Targeting Top Terrorists: How Leadership Decapitation Contributes to Counterterrorism / B. Price // International Security. – 2012. – Issue 4. – P. 9–46.
14. Inside Terrorist Organizations / [D. Rapoport, M. Crenshaw, R. Crelinsten, D. Schiller]. – London : Frank Cass, 2001. – 273 p.
15. Rapoport D. The Four Waves of Rebel Terror / D. Rapoport // Anthropoetics. – Spring/Summer 2002. – 14 p. – [Electronic resource]. – Access mode : URL: <https://wrlrels.org/wp-content/uploads/2016/02/Rapoport-Four-Waves-of-Terror.pdf>. – Title from Screen. – Date of Access: 16 August 2017.
16. Revolutionary Cells // Mapping Terrorist Organizations. – Updated 5 January 2013. – [Electronic resource]. – Access mode : URL: <http://web.stanford.edu/group/mappingmilitants/cgi-bin/groups/view/353>. – Title from Screen. – Date of Access: 16 August 2017.
17. Shapiro J. The Terrorist's Dilemma: Managing Violent Covert Organizations / J. Shapiro. – Princeton : Princeton University Press, 2013. – 335 p.
18. Simon J. Lone Wolf Terrorism: Understanding the Growing Threat / J. Simon. – Amherst : Prometheus Books, 2013. – 335 p.
19. Sullivan P. Kerry: ISIS Poses “threat to the entire world” / P. Sullivan // The Hill. – 2014. – 26 September. – [Electronic resource]. – Access mode : URL: <http://thehill.com/policy/international/218999-kerry-isis-poses-threat-to-the-entire-world..> – Title from Screen. – Date of Access: 16 August 2017.
20. Sundquist V. Political Terrorism: An Historical Case Study of the Italian Red Brigades / V. Sundquist // Journal of Strategic Security. – 2010. – Issue 3. – P. 55–63.
21. The War on Terror Encyclopedia: From the Rise of Al Qaeda to 9/11 and Beyond. – Santa Barbara : ABC Clio, 2014. – 493 p.
22. U.S. Grand Strategy: Al-Qaeda and ISIS: Existential Threat to the U.S. and Europe. – Washington : Institute for the Study of War, 2016. – 38 p.
23. Wright L. The Looming Tower: Al-Qaeda and the Road to 9/11 / L. Wright. – New York : Alfred Knopf, 2006. – 540 p.